Виктор Дятлов Яна Гузей Татьяна Сорокина

КИТАЙСКИЙ ПОГРОМ

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ «УТОПИЯ» 1900 ГОДА

В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Нестор-История Санкт-Петербург 2020

Д99 Дятлов Виктор, Гузей Яна, Сорокина Татьяна

Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. — СПб.: Нестор-История, $2020.-208\,\mathrm{c.}$, ил. — ISBN 978-5-4469-1651-1.

В начале июля 1900 года бушевавшее в Китае антииностранное восстание ихэтуаней подкатилось к пограничному Благовещенску: пароходное сообщение по Амуру было блокировано, а город подвергся обстрелу с китайской стороны. В обстановке страшной паники и паралича власти было принято решение переселить китайских мигрантов, проживавших в Благовещенске на другую сторону Амура. В результате насильственно осуществленной депортации несколько тысяч человек были фактически утоплены в Амуре.

Книга посвящена анализу причин и механизмов погрома, реконструкции последовавшей реакции на него властей всех уровней (от полицмейстера до императора), непосредственных участников событий, дореволюционной общественности, а также наших современников. Анализ сегодняшних дискуссий относительно событий, казалось полностью стертых из исторической памяти, может дать чрезвычайно важный материал для понимания состояния исторической памяти и чувства исторической ответственности современных россиян.

УДК 93/94 ББК 63.3(0)6

- © Коллектив авторов, 2020
- © Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, ил., 2020
- © Издательство «Нестор-История», 2020

Введение

«Благовещенской "Утопией"» назвал анонимный публицист «Вестника Европы» трагические события на «далекой окраине» Российской империи — в приграничном с Китаем городе Благовещенске. Очевидцы и участники событий чаще всего называли их «благовещенской паникой», иногда «осадой», нередко — «погромом». Бушевавшее с осени 1898 г. в Китае антииностранное восстание ихэтуаней («боксеров») к лету 1900 г. подкатилось к Благовещенску. В этом динамично развивающемся городе, административном центре обширного региона, постоянно находилось тогда несколько тысяч китайцев, которые играли огромную роль в экономике и в повседневной жизни горожан.

В обстановке страшной паники власти заподозрили их в возможной нелояльности и решили насильственно депортировать через пограничный Амур. Это вылилось в расправу, в результате которой несколько тысяч мирных и безоружных людей, не оказавших даже пассивного сопротивления, были убиты. Утоплены в Амуре. Насильственная депортация сопровождалась массовыми убийствами и грабежами. Затем представители местных властей фактически санкционировали насильственное изгнание «зазейских маньчжур» — китайских подданных, компактно проживавших на российской территории и пользовавшихся (по межгосударственным договорам) экстерриториальностью.

Однако событие это почти не стало предметом интенсивной рефлексии для российского общества тогда и почти полностью забыто сейчас. Нельзя сказать, что это результат государственной цензуры — хотя в определенной степени (до 1905 г.) и этот фактор действовал. Тотальная цензура на этот счет существовала при советской власти, но дореволюционные публикации из библиотек не изымались и были, в общем-то, доступны. Скорее всего, события были вытеснены на периферию общественного сознания по каким-то иным, более сложным причинам.

 $^{^1}$ [В.] Благовещенская «Утопия» // Вестник Европы. СПб., 1910. № 7. С. 231–241.

Наша книга посвящена не столько самому событию (хотя и ему тоже), сколько реакции на него людей того времени, иногда и участников событий, а также наших современников. На основании архивных документов (часть которых впервые вводится в научный оборот), а также разнообразных публикаций того времени реконструируется реакция властей различных уровней — от низового начальства до императора. Для нее, скажем предварительно, было характерно стремление «замести мусор под ковер»: свести к минимуму репутационные издержки за счет кулуарных методов расследования.

На основании опубликованных воспоминаний и комплектов местных газет того времени попытаемся понять настроения и чувства благовещенцев, на глазах которых все это происходило, которые были прямыми или косвенными участниками событий. Которые несколько дней смотрели, как по Амуру плывут сотни трупов.

В России того времени шел интенсивный процесс формирования общественного мнения. Значительная часть образованного общества решительно и довольно результативно боролась против еврейских погромов, принимала энергичное участие в расследовании «дела Бейлиса» или «мултанского дела». Поэтому так важно понять причины молчания вокруг «благовещенской трагедии», унесшей несколько тысяч жизней.

Несколько десятилетий социальных катаклизмов и тотальной цензуры советской эпохи в России, казалось, полностью стерли эти события из исторической памяти. Однако первые же исследовательские работы, носящие академический характер и не предназначенные для массового читателя, вызвали интенсивную и болезненную реакцию наших современников и бурные дискуссии в Интернете. Анализ этих дискуссий может дать чрезвычайно важный материал для понимания состояния исторической памяти и чувства исторической ответственности современных россиян.

В чем-то эти дискуссии напоминают общенациональную рефлексию в Польше по поводу книги Я. Т. Гросса «Соседи».

Масштабы, естественно, принципиально несопоставимы, но тональность обсуждений, вывод их в плоскость проблемы исторической памяти и исторической ответственности заставляют говорить о чрезвычайной актуальности этого давнего эпизода на «далекой окраине», казалось бы давно и прочно забытого, вытесненного последующими историческими катаклизмами.

Для понимания контекста событий необходим краткий очерк присутствия китайских мигрантов на Дальнем Востоке поздне-имперской России, их роли в экономической и общественно-политической жизни региона. Важно понимать, как относились к ним население и власти. Как формировался стереотип китайского мигранта и как он регулировал очень непростые взаимо-отношения людей на границе двух соприкоснувшихся империй. Этот контакт оказался частью общемирового процесса тесного взаимодействия с Китаем европейцев. Взаимодействия, породившего в том числе и мощный, сопоставимый по масштабам и энергетике с антисемитизмом, общемировой ксенофобский комплекс «желтой опасности». На события 1900 г. в Благовещенске этот комплекс наложил огромный отпечаток.

Необходим, конечно, хотя бы краткий очерк о Благовещенске и его населении. Это город в прямом смысле на границе империй. Китай — на другом берегу Амура. До постройки Амурской железной дороги — автономной части Транссиба — это ключевой центр транспортных речных коммуникаций для всего Дальнего Востока. Административный, экономический, логистический, культурный центр огромной Амурской области. Центр золотодобывающего края. Город с большой образованной прослойкой — не случайно к этому времени в нем находили своих читателей три газеты. Хоть и на «далекой окраине» (по распространенной и общеупотребительной метафоре того времени), но вовсе не «дыра».

Неизбежен, однако, вопрос: чем современному читателю может быть интересен эпизод давно забытой войны на «далекой окраине» ушедшей в историю империи? Много всего разного произошло за сотню с лишним лет в нашей стране и в мире — и трагического, и важного, и интересного. Обо всем не прочитаешь,

всем не заинтересуешься — даже в нашем зацикленном на прошлом, на истории обществе. Кажется, что это может быть интересно только жителям современного Благовещенска.

Но наша книга не о местной истории — при всем большом искреннем уважении к этому жанру и при понимании его важности. Далекие события 1900 г. мы рассматриваем как кейс, отдельный случай, позволяющий выявить чрезвычайно важные и для сегодняшнего дня проблемы. Событие это не просто страшное, трагическое. Во многом оно явилось знаковым, чрезвычайно важным для понимания механизмов воздействия синдрома «желтой опасности» на российское население дальневосточной окраины империи. Оно дает большую пищу для размышлений о феномене погрома: его причинах, механизмах, формах, участниках, последствиях. О дистанции между ксенофобскими комплексами и погромом. И об исторической памяти, об ответственности потомков не только за героические дела их предков.

При работе над книгой мы неизбежно столкнулись с той профессиональной и моральной проблемой, суть которой емко и просто сформулировал В. С. Малахов в предисловии к русскому изданию классической уже книги о природе этнических чисток и геноцида Майкла Манна: «В превращении злодеяний в предмет научных штудий есть нечто сомнительное. Под исследовательской лупой кровавые зверства утрачивают свою инфернальную энергию, становясь всего лишь объектом в ряду прочих объектов анализа. Вдумаемся, что означает появление академической дисциплины под названием "исследования геноцида"? Нечто запредельно иррациональное сделалось этапом развития научной рациональности. Социолог, берущийся за изучение подобных "предметов", рискует попасть в моральную и эпистемиологическую ловушку, описанную в свое время Зигмунтом Бауманом. Объясняя геноцид, современные ученые невольно его стерилизуют, выхолащивают его беспокойное для нашей совести содержание»².

 $^{^2}$ *Малахов В.* Извращения демократии: Майкл Манн и его теория этнических чисток // Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток, М.: Издательство «Пятый Рим», 2016. С. 7.

Тем не менее мы рискнули. И не столько потому, что описываемый нами сюжет вряд ли попадает в довольно четко определенную категорию геноцида, имеющую сейчас и нормативно-правовое содержание. И с «этнической чисткой» здесь все непросто. Но как это ни называй, была в нашей истории страшная, кровавая, трагическая страница. И есть профессиональный инстинкт и профессиональный долг историков, не позволяющие уклониться от ее исследования, от того, чтобы не попытаться задать свои вопросы и такому прошлому. Иначе мы рискуем тем, что подобные вопросы придется задавать уже нашему времени и нашему обществу.

Жанр нашей книги — популярный, она предназначена для культурного, образованного читателя, но по преимуществу не историка. Значит, должна она быть яркой, не занудливой, понятной для непрофессионала, то есть написанной нормальным человеческим, а не «птичьим» языком. С другой стороны, авторы ее — профессиональные историки, а значит, зануды уже по умолчанию. С приверженностью к специфическому терминологическому аппарату, зацикленностью на скрупулезной критике источников и особым образом организованной подаче полученных результатов. Им привычнее «академический стиль» — скучновато-кондовый, высокомерно сторонящийся яркости и броскости изложения, демонстрации личностного самовыражения. Наш текст — это попытка найти компромисс, попытка поговорить о сложных вещах языком доступным, но не примитивным. Мы не могли отказаться от того, что называется научно-справочным аппаратом, от ссылок на использованные и цитированные тексты. Но мы постарались свести его к минимуму, не слишком мешающему чтению и восприятию не историка. В книге очень много цитат — иногда может создаться впечатление, что избыточно много. Но это вполне осознанное принципиальное авторское решение. Обильное цитирование позволяет точнее воспроизвести позиции и оценки участников и наблюдателей событий, дух времени, стилистику эпохи. Иногда очень важно увидеть не только то, что люди говорят и пишут, но и как, какими словами, образами и метафорами они это делают.

Авторы книги очень многим обязаны поддержке, советам, критике тех, кто читал ее текст или предшествующие ему статьи, помогал в ее публикации. Мы считаем своим приятным долгом поблагодарить Сергея Панарина (Институт востоковедения РАН), который не просто опубликовал первую на эту тему статью одного из соавторов в своем замечательном журнале «Вестник Евразии», но и высказал массу ценных критических замечаний и рекомендаций на всех этапах нашей работы. Очень много дало обсуждение этой статьи в качестве учебного текста на занятиях созданной им Школы молодого автора. Слушателям этой Школы — отдельное большое спасибо. Некоторые части работы обсуждались также и в рамках диссертационных семинаров в Европейском университете в Санкт-Петербурге, что нередко становилось импульсом для новых идей и открытий. На различных этапах работы мы обсуждали проблемы будущей книги с Иваном Пешковым (Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Польша), Борисом Колоницким (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Владимиром Малаховым (РАНХиГС), Владимиром Медведевым (журнал «Дружба народов»). Мы благодарны им за интерес, критику и полезные советы.

Некоторые главы издания подготовлены в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России» (№ 28.9753.2017/8.9).

Отдельную благодарность хотелось бы также выразить сотрудникам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), а также сотрудникам и руководству Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского за любезно предоставленные документы и фотоматериалы.

Глава 1

«Далекая окраина»: китайцы в жизни дореволюционного Благовещенска

Присоединив во второй половине XIX в. Дальний Восток, Россия обрела вместе с ним огромный комплекс сложнейших геополитических, экономических, политических проблем. Внезапно возникло теснейшее соседство с гигантским по населению Китаем, «четыре тысячи километров проблем» границы, по замечательному выражению Акихиро Ивасита³. Образовалась гремучая смесь из стремления к экспансии в Китай и страха перед тем, что этот «спящий проснется». Это усиливалось неожиданным — и потому еще более тревожным — процессом модернизации и державного усиления соседней теперь Японии. На этом фоне — полная неосвоенность только что присоединенного Дальнего Востока в политическом, военном, демографическом, экономическом отношениях. Оторванность его от метрополии, почти полная до строительства Транссиба. Гигантская зависимость задачи освоения региона от ресурсов Китая. А ведь колонизация Дальнего Востока была стратегическим направлением деятельности властей позднеимперской России, важным общеимперским проектом.

И наконец, острейшая проблема трудовых мигрантов из Китая, в меньшей степени — из Кореи и Японии. Освоение Дальнего Востока, создание там первичной административной, военной, коммуникационной, экономической инфраструктуры, ее обслуживание, поддержание элементарной жизнедеятельности формирующегося населения — все это создало огромный спрос на рабочую силу, удовлетворить который за счет российских источников в тех условиях было практически невозможно. Этот платежеспособный спрос создал мощный и постоянно растущий приток мигрантов из соседних стран.

 $^{^3}$ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / Пер. с япон. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006.

Это был один из первых в истории России случаев массовых трансграничных трудовых миграций, не организованных властями империи. Точных оценок численности мигрантов нет в силу постоянных изменений, годовых и сезонных колебаний, слабой постановки учета и контроля. Но в некоторые годы численность только китайцев превышала сотню тысяч человек (по оценке А. Г. Ларина, 200—250 тыс. в 1910 г.), то есть составляла 10—12% населения региона⁴. Таким образом, китайцы были весомой частью крайне немногочисленного тогда населения российского Дальнего Востока. А в силу того, что практически все они работали, их доля в самодеятельном населении была еше выше.

Среди китайцев преобладали временные, в значительной части сезонные, мигранты. Это были в основном одинокие мужчины. По образному выражению отличного ведомственного аналитика того времени В. В. Граве, «движение китайцев в наши пределы имело сходство с весенним и осенним перелетом птиц». Отсюда и миграционная стратегия, направленная на временное пребывание в России, минимальную адаптацию к принимающему обществу. Хотя постепенно росло число и тех, кто оставался здесь на относительно большой срок. Массовому переселению на постоянное жительство препятствовали как мощные социокультурные факторы (стремление быть похороненными на родине, например), так и формальные запреты властей Цинской империи на женскую миграцию. Не так просты были и условия натурализации в России. В результате за все время существования Приамурского генерал-губернаторства от китайцев поступило всего 59 ходатайств о принятии в подданство России и лишь 15 было удовлетворено⁵. Тот же В. В. Граве отмечал: «Редки те китайцы, которые оставались бы в крае более трех лет, все они, какую бы профессию не занимали, стремились, скопив

 $^{^4}$ *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 20–21.

 $^{^5}$ Дацышен В. Уссурийские купцы. Судьба китайцев в дореволюционной России // Родина. 1995. № 7. С. 57.

себе от 200-300 рублей, возвратиться домой, и лишь некоторое количество их, из тех, которые женились на русских, остается здесь» ^{6} .

В больших количествах китайская рабочая сила применялась казенными ведомствами — военным строительным управлением и Уссурийской железной дорогой. И хотя неоднократно предпринимались, причем на самых высоких уровнях, попытки запретить или резко ограничить такое использование, это оказалось практически невозможным делом. Благодаря массовому, дешевому и дисциплинированному труду китайских и корейских мигрантов процветала золотопромышленность. Многие китайские мигранты занимались земледелием — или на своей земле (если имели вид на жительство), или на арендованной в обход законов у русских крестьян или казаков, у них же трудились в качестве батраков. Оценивая их роль в строительстве, один из чиновников писал: «...в деревнях и городах все постройки, начиная от церкви и кончая простой избой, производятся китайцами»⁷. Массовым явлением была китайская домашняя прислуга в семьях русских чиновников, служащих, коммерсантов, интеллигенции. Прислуга высоко ценилась из-за своей дешевизны, честности, аккуратности и мастерства. В руках китайцев находилась большая часть розничной и мелкооптовой торговли и предприятий общепита. Их трудом держалось городское коммунальное хозяйство. Массовый — во многом государственно организованный — импорт китайской рабочей силы наблюдался во время Первой мировой войны. Причины понятны — острейший дефицит собственной рабочей силы из-за мобилизации.

Тонкий, умный наблюдатель и аналитик Д. И. Шрейдер, написавший, наверное, самую интересную работу о повседневной

⁶ *Граве В. В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 7.

 $^{^7}$ *Крюков Н. А.* Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М., 1896. С. 25.

жизни дореволюционного дальневосточного общества, приводит слова местных жителей: «Не будь манзы (так русские поселенцы называли китайцев. — Прим. авт.), мы бы все перемерли здесь с голоду». И он комментирует: «Познакомившись ближе с условиями местной жизни, я убедился в том, что в этом утверждении нет, в сущности, никакого преувеличения. Дело действительно обстоит в таком виде, что, лишись край китайцев по какой-нибудь чрезвычайной причине, — всякая культурная жизнь в нем должна прекратиться... При отсутствии в этом юном крае постоянного и оседлого русского населения присутствие манзы является абсолютно необходимым условием более или менее сносного существования европейца. Без него он сидел бы здесь без пищи, питья и топлива и нуждался бы в самых существенных и элементарно-необходимых предметах человеческого общежития»⁸.

Массовая миграция сформировала ситуацию массового же, повседневного, обыденного контакта российского и китайского населения на Дальнем Востоке, контакта как нормы жизни. А это потребовало выработки стереотипов как механизмов регулирования взаимоотношений, формирования комплекса поведенческих практик.

Соседство с Китаем и полная зависимость от труда китайских мигрантов осознавались в качестве проблемы, критически важной для властей и населения не только региона, но и империи в целом. Это могло иметь — и имело — противоречивые последствия. С одной стороны, существовала возможность взаимного узнавания, уменьшения дистанции и отчуждения. С учетом опыта колонизации Сибири, включения аборигенных народов в категорию «мы» (пусть и не полностью), открывалась возможность трансформации, переформатирования конструкции «мы — они». Преобладала, однако, противоположная тенденция — массовое повседневное общение вело к увеличению отчуждения и дистанции. Культурная чужеродность китайских мигрантов, их замкнутость, минимальное стремление к интегра-

 $^{^8}$ Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 48.

ции, временный характер пребывания, осознание полной экономической зависимости от их труда, ощущение присутствия за их спиной хоть и «спящего», но великого Китая— все это не способствовало их интеграции и не формировало добрых чувств у малочисленного российского населения региона.

По большей части проблема эта осознавалась, проговаривалась и оценивалась государственными деятелями, столичными и региональными чиновниками, военными, разнообразными экспертами, журналистами и публицистами, учеными, просвещенными обывателями в категориях «желтый вопрос», «желтая проблема», «желтый труд», «желтая опасность».

Господствовал российский вариант общемирового комплекса представлений о мире, стереотипов, страхов и предрассудков, известного как «желтая опасность» (yellow peril). В соответствии с ним принадлежность к расе как к природному телу не являлась вопросом личностного выбора, ибо нельзя выбрать и изменить цвет кожи или разрез глаз. Соответственно, расовые биологические константы предопределяли все ключевые характеристики человека как социального существа — интеллектуальные, моральные, духовные, — его образ жизни, поведение, систему ценностей и групповую лояльность. По выражению Ханны Арендт, при таком понимании «народы как таковые превращаются в виды животных так, что русский выглядит отлично от немца не меньше, чем волк от лисицы» 9.

Расовые отличия считались настолько огромными, что ставили под вопрос принадлежность их носителей к единой человеческой общности, следовательно, их совместимость. Несовместимость же рас — достаточное основание для их непримиримой борьбы за выживание, «войны миров». «Желтая опасность» виделась в природной несовместимости «желтой» и «белой» рас, их непримиримом конфликте.

В рамках общемирового комплекса в России сформировалась достаточно богатая, хорошо разработанная его версия. Базируясь на общей расовой основе («желтый» — абсолютный «чужой»),

 $^{^{9}\,} Apen \partial m \, X.$ Истоки тоталитаризма. М.: Центр
Ком, 1996. С. 322.

она включала в себя одновременно и геополитические мотивы, и страхи перед мощным конкурентом в сфере труда и предпринимательства, и вполне реалистичные опасения относительно слабости российского контроля над регионом. Сюда же вплеталось то, что веком позже стало называться мигрантофобией.

Огромную жизненную энергию синдрому придало подключение ресурса тревоги и фобии, содержавшегося в отечественном концепте «татаро-монгольского ига». К тому времени этот концепт настолько глубоко и прочно вошел в школьные и университетские учебники в качестве их важнейшего постулата, что его основные положения казались всем самоочевидными, выглядели уже трюизмами. Соответственно, представление об «иге» прочно господствовало не только в историческом, но и в обыденном сознании. Синтез «желтой опасности» и «татаро-монгольского ига» породил грозную метафору «панмонголизма» — грядущего нового монгольского нашествия. Такие коннотации «панмонголизма» совсем не относились к реальным монголам того времени — мирным скотоводам, терпеливо сносившим «собственное» иго маньчжурской династии Цин. Мистические «монголы» «панмонголизма» выступали грозным символом «желтизны», «нашествия», «ига», будили инфернальный страх перед неизбежной «войной миров».

Признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых», их дегуманизация становились естественной и необходимой предпосылкой для их демонизации — превращения просто «чужого», мнимого, реального или потенциального противника в смертельного врага. Угроза с его стороны воспринималась не как что-то поддающееся рациональному обоснованию, объяснению или описанию, а как нечто таинственное и грозное, всеобщее и вездесущее и, конечно же, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей. «Чужой» представал не в облике конкретного противника с конкретными интересами, а как персонификация абсолютного зла, воплощение тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Его логику невозможно понять, с ним невозможно договориться,

сторговаться, достичь компромисса. Поэтому конфликт с ним — это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон.

В этом отношении характерно высказывание известного публициста Н. Д. Облеухова, писавшего под псевдонимом П. Ухтубужский 10: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским, в особенности <...>. Они мечтают... о завоевании всего мира <...>. Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, "мирное", экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т.д.». Но планам «желтых» не суждено сбыться. «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия, с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим князя мира сего» 11.

Синдром «желтой опасности» — это острая реакция на тесный контакт с Востоком, результат осмысления этого контакта в категориях противостояния Востока и Запада, в современных категориях — «столкновения цивилизаций». «Желтые» мигранты несут чуждый и враждебный Восток к «нам» в Россию, на «Запад». Но очень характерно, что азиатские подданные империи, например буряты или якуты, как такие «желтые» не идентифицируются. По отношению к ним используется сословная, позднее — этническая система категорий.

 $^{^{10}}$ Ухтубужский П. — псевдоним Николая Дмитриевича Облеухова (? — не ранее 1917). Писатель и журналист, он был активным участником правомонархического движения, товарищем председателя Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела (PHCMA).

¹¹ Ухтубужский П. Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913. С. 64–65, 75, 85.

Было много и тех, кого не поразил синдром «желтой опасности», однако и они зачастую осмысливали и оценивали проблему в его словах и образах, что только вело к его усилению, укрепляло его легитимность. Политический ссыльный — народник и выдающийся исследователь Сибири Д. А. Клеменц принципиально и аргументированно отрицал расовые подходы и, в частности, возможность объединения столь разных народов, как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы. Но и он привычно использует уже ставшее термином словосочетание «желтая опасность», не закавычивая его¹². Стоит отметить, что уже в эту эпоху многие авторы берут это словосочетание в кавычки.

Было ли отношение к китайским и корейским мигрантам на Востоке России особым, отличавшимся от общеимперского? С одной стороны, для малочисленного российского населения Дальнего Востока общение с «желтыми» было делом повседневных контактов и привычных практик. Для военных и гражданских чиновников мигранты были объектом выработки и принятия управленческих решений, применения рутинных административных мер и процедур. Интенсивность контактов, степень взаимозависимости, взаимный интерес, уровень знаний были, естественно, несопоставимо выше, чем в метрополии. Поэтому и эпитет «желтый» употребляется здесь наряду с этнонимами и обозначениями подданства: читающая грамотная публика, да и значительная часть неграмотного населения знала, что есть китайцы, японцы, корейцы, монголы, являющиеся подданными других императоров. Многие хорошо представляли, в чем состоят различия между ними.

Конкретные проблемы развития региона, вопросы его управления— в той части, что связаны с мигрантами, — обычно рассматривались в категориях этничности или подданства. Чиновники, военные, профессиональные эксперты, анализируя структуру населения, особенно мигрантской его части, состав

 $^{^{12}}$ Клеменц Д. Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7. С. 35–36.

хозяев торговых и промышленных предприятий, другие конкретные явления в регионе, привычно мыслили в этих категориях. Но как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и в мире, начинал господствовать «желтый» дискурс.

Можно предположить, что на уровне идеологии, политики, административных стратегий и практик принципиальных отличий между Востоком России и метрополией не было. Бюрократический плюрализм оценок имел место, но границы оттенков во мнениях проходили по ведомственной линии, а не по линии «центр — регион». Формирование общественного мнения, как важной составной части модернизационного процесса, не обошло стороной Дальний Восток. Местные газеты, собственная прослойка журналистов, публицистов, публичных ведомственных аналитиков, активные публичные дискуссии вокруг миграционных проблем — все это в регионе было. Однако при всех местных особенностях, при большей погруженности в реальную ситуацию они в целом воспроизводили общеимперский дискурс. Ничего сопоставимого с проектом «сибирского областничества» здесь не возникло.

Это выстроило структуру образа китайского мигранта. Основными чертами образа были неприхотливость, непритязательность, минимальные требования к условиям жизни, нищета и антисанитария, заискивающее поведение. Высокая конкурентоспособность за счет сочетания работоспособности, трудовой дисциплины с минимальными требованиями к оплате труда. Культурная чужеродность и стремление ее сохранять, сопротивление культурной интеграции в местное общество, сильная связь с родиной, массовидность, общинность, корпоративный дух и взаимопомощь, предприимчивость. Присутствие за спинами мигрантов пока «дремлющего», но обладающего огромной потенциальной мощью Китая, а главное — неисчислимых миллионов «соплеменников».

Важнейшей частью российской традиции было отношение к китайцам как к некоей однородной массе, в которой растворялась индивидуальность каждого. Не случайно широко

применялись эпитеты «толпа», «муравьи», «саранча», «гнус». Пугающую картину рисует публицист «Современника» А. Вережников: «Китайская толпа в синих лохмотьях, с одинаковыми безбородыми, безусыми желтыми лицами, бредет, куда глаза глядят. Не сговаривается, не спорит, не противоречит... переговаривается одинаковыми шипящими, чиликающими голосами... И нет в ней предводителя, зачинщика, человека выше всей этой толпы на целую голову... В ней нет гордых, смелых, отчаянных голов... Все фигуры в китайской толпе по одному образцу, как фабричное изделие». «Толпа поднялась. Расползлась по косогору, заполнила пустое пространство и валом повалила к месту работ». «Но в этом равнодушии, полусне и полудремоте чувствуется терпеливое выжидание момента, скрытая настороженность. И, кажется, что вот-вот они зашевелятся все разом, задвигают желтыми белками, поднимутся и пойдут. И будут идти... из десятков вырастая в сотни, из сотен в тысячи... и все будут идти и идти, плодясь и размножаясь» ^{13} .

Эта талантливая зарисовка пронизана сложным чувством пренебрежения, страха, брезгливого отчуждения и немного жалости к китайцам. Это отношение не к людям, а к «саранче», к «инопланетянам» — и не случаен пассаж о том, что у них «вид людей совсем с другой планеты».

В китайцах видели питательную почву для массового бандитизма — хунхузничества. Обвиняли их в том, что приносят в край, и без того не отличавшийся строгими нравами, свои пороки. Часто описываются опиумокурильни, игорные дома как некие центры китайских трущоб. Эти трущобы предстают одновременно рассадниками чудовищной антисанитарии. Нормы гигиены «чужды неразвитому уму китайцев», а при дороговизне жилья — и недостижимы, писал доброжелательно настроенный Л. Богословский¹⁴. Отсюда — болезни, высокая смертность, по-

 $^{^{13}}$ Вережников А. Китайская толпа // Современник. 1911. Кн. 3–4. С. 124–130.

 $^{^{14}}$ *Богословский Л.* Крепость-город Владивосток и китайцы // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 20-33.

стоянная угроза эпидемий. Огромную тревогу вызывал контрабандный ввоз водки-ханшина. Китайцев часто обвиняли в хищническом грабеже богатств уссурийской тайги, незаконной добыче и контрабанде золота. Возмущала эксплуатация китайскими торговцами, браконьерами, хунхузами туземцев — коренного населения края. Приводились многочисленные примеры насилий, пыток, убийств, масштабов и форм кабалы.

Большая часть проблем, связанных с китайской иммиграцией, рассматривалась в категориях «желтого труда». В публикациях специалистов содержится его квалифицированный анализ: отраслевая и региональная динамика применения китайской и корейской рабочей силы, уровень ее оплаты, структура расходов, масштабы вывоза рублевой массы из страны. Проблема виделась в том, что Китай мог поставлять по демпинговым ценам неограниченное количество рабочей силы, отличающейся дешевизной, дисциплинированностью, умением быстро осваивать новые профессии и сферы деятельности. Считалось, что это препятствовало заселению региона русскими, вело к его «окитаиванию», в возможной перспективе — потере для России. Существовало, с другой стороны, и понимание того, что без «желтой» рабочей силы освоение региона невозможно. Отсюда ожесточенность дискуссий, постоянное столкновение ведомственных и иных интересов, принятие ограничительных мер и их немедленное блокирование.

Как часть проблемы «желтого труда» рассматривались и конкурентные отношения в сфере торговли. Многие авторы отмечали, что китайцы благодаря своей энергии, предприимчивости, трудолюбию, корпоративности за сравнительно короткое время заняли («монополизировали») значительную часть мелкой и средней розничной торговли. А ведь торговля была не просто отраслью экономики, но системой жизнеобеспечения, вопросом безопасности.

Многие исследователи и публицисты, соглашаясь с тезисом об опасности «желтого труда», считали, что он необходим и неизбежен. Без него невозможно в кратчайшие сроки и с минимальными затратами создать инфраструктуру господства России — города, морские порты, шоссейные и железные дороги, телеграфные линии, сельскохозяйственное и промышленное производство, горные промыслы. Неосвоенный же в экономическом, военном, политическом отношении край неизбежно будет потерян для России. Основной вывод отчета уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граве — применение «желтого труда» несет с собой массу проблем и опасностей, но оно неизбежно и необходимо. Следовательно, надо регулировать и направлять процесс его использования, создавая и совершенствуя для этого законодательную базу, государственные институты, готовя для них высокопрофессиональные кадры.

Алармизм и обсуждение вопросов миграции в категориях «желтой опасности» — преобладающий, но не единственный подход к проблеме. Были авторы, которые присутствие китайцев, корейцев и японцев на Дальнем Востоке воспринимали как необходимую и неотъемлемую часть жизни региона. Они сочувственно описывали тяжелейшие условия их жизни и труда, неодобрительно характеризуя высокомерно-пренебрежительное отношение к ним со стороны властей и значительной части общества, протестуя против широко распространенных злоупотреблений.

Постоянные контакты, тесное взаимодействие в сравнительно небольших населенных пунктах и городах формировало и позитивно-потребительское отношение: «Десятки лет многие из китайцев и маньчжур мирно жили в нашей среде, принося огромную пользу населению своим трудом, что признавалось решительно всеми беспристрастными людьми. Трудолюбивые, до невероятности ограниченные в своих потребностях, китайские подданные решительно никогда не бывали замечены не только в крупных преступлениях, но даже в мелких предосудительных проступках. Честность и добросовестность были общепризнанными их чертами, поэтому во многих крупных учреждениях, разных промышленных фирмах и компаниях, как и в частных домах, на китайцев, как на служащих или прислугу, все безусловно полагались и вполне им доверяли. Во мно-

гих русских семействах, имевших в качестве мужской прислуги молодых китайцев, к ним привязывались как к родным. Нередко их обучали русскому языку, и этому занятию они придавались с замечательным прилежанием: за русской книжкой или письмом они посиживали далеко за полночь и благодаря такому усердию делали быстрые успехи. Но в среде малокультурных слоев нашего населения китайцы никогда не пользовались особенной симпатией. Простолюдины видели в них, во-первых, представителей чуждой национальности, упорно избегающей слиться с русской, так как известно, китайцы, за крайне редкими исключениями, никогда не расстаются ни со своими обычаями, ни с внешним своим видом. Во-вторых, в них русские рабочие всегда видели опасных для себя конкурентов» 15.

Анонимный автор «Сибирского сборника» решительно выступал против взгляда, когда «китайское население края оказывалось какой-то общею многотысячною шайкою разбойников, хищников, разоряющих естественные богатства края и вносящих своей распущенностью, опиокурением, азартными играми и прочим — полную деморализацию в среду русского элемента. За манзами не оставлялось ни одной светлой черты; в жизнь края они вносили только одно зло — и нравственное, и экономическое, и политическое, плодили бесправие — словом, являлись таким отбросом, против которого нужны были самые строгие меры, и чем скорее избавился бы край от такого элемента, тем было бы лучше». Он прямо пишет о мотивах подобного отношения: «...в силу исконной враждебности сибирского населения к инородцам и традиционной привычке считать их ниже себя, не допускать до себя, а ставить лишь объектом всевозможной эксплуатации, русское население, не имевшее в своем характере, ни в образе жизни и культуре ничего общего с китайцами, смотрит на манз, по простонародному выражению, как на тварь, не имеющую даже души и стоящую отчасти даже вне закона. Различия столь несхожих гражданских традиций, религий,

 $^{^{15}}$ *Сонин*. Бомбардировка Благовещенска китайцами (рассказ очевидца). Б. м., б. г. (Оттиск из № 4 «Зари»). С. б.

цивилизаций и характеров, как русский и китайский, всюду, во всех странах, сопровождались самыми резкими осложнениями и всюду с ними приходилось считаться очень сильно». И вывод: «...нужно... снять с китайцев излишние нарекания и показать, что они также люди и имеют такое же право, как и все, на покровительство законов, что они постольку же равноправны, поскольку то допущено основными законами, а не произволом массы; короче, нужно было вывести манзу из ложного положения, как ради него самого, так и ради правильного течения жизни в русской дальневосточной колонии» 16.

Но даже искреннее сочувствие, доброжелательное отношение, стремление подчеркнуть полезность китайских мигрантов и позитивные черты их характера не исключали отчужденности, представления о них как об «инопланетянах», людях из другого мира. Они не воспринимались как равные себе. Практически везде присутствует снисходительное отношение к ним как к людям второго сорта, «низшей породы», по словам Д. И. Шрейдера.

Именно поэтому везде подчеркивается то, что они «грязные». Типична фраза из всеподданнейшего отчета военного губернатора Приморской области за 1900 г.: «Традиционная китайская грязь домашней обстановки доходит у них до ужасающих размеров, и бороться с этим особенно трудно по той причине, что китайское население крайне подвижно» Трязь здесь выступает не как сопутствующая черта низкого социального статуса и самой ситуации мигранта, а как имманентная черта китайца, отражающая его нецивилизованность.

Китайцы прилежные, угодливые — одним словом, «ходи». Русское население встретило их «полудобродушно, полупре-

 $^{^{16}}$ Л-н. Капитуляция русского труда и капитала в Приамурье (к желтому вопросу) // Сибирский сборник за 1904 год (Приложение к газете «Восточное обозрение»). Иркутск, 1904. С. 77–108.

 $^{^{17}}$ Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 499. Л. 11.

зрительно, с явным сознанием своего превосходства, но в общем терпимо, а в большинстве случаев просто безразлично...» ^{18} .

«Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, желтый пергаментный цвет лица — последствия обильного употребления опиума и плохого питания, — лукавые раскосые глаза, своеобразный костюм... неслышная поступь, вкрадчивый голос, льстивая речь», — таким видился типичный китайский мигрант в России¹⁹. Отмечалось, что «китайцы очень любопытны и легко поддаются подкупу», обладают «трезвым и сравнительно тихим характером». Подчеркивались их субтильность, тщедушность, изможденность, худоба, неприхотливость, граничащая с нищетой (в истрепанных костюмах или даже «полунагие, в одних панталонах на голое тело...»), минимальные требования к условиям жизни и питанию, антисанитария. Все это в комплексе с робким, смиренным поведением, «приниженными, жалкими, подобострастными» улыбками, почтительным, предупредительным, даже заискивающим обращением к русским — «капитана», «мадама», возможно, и вызывало высокомерно-снисходительное отношение.

При таком отношении китайцы не работают, а «копошатся, как муравьи в муравейнике», если курят, то «вонючий листовой табак», в еде «иногда напоминают самых строгих аскетов, а иногда они до гнусности противны своей прожорливостью и неразборчивостью к средствам пропитания», во время отдыха в их стане царит не сон, а оцепененье, забытье. Даже их смерть не была человеческой смертью в глазах русского населения, ведь про умирающих китайцев русские землекопы говорили: «падают», «валятся»²⁰.

Это сложное отношение, сочетавшее чувства зависимости и неприязни, сформировало и обобщенный образ китайца.

¹⁸ *Матвеев Н.* Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. СПб., 1911. № 12. С. 30.

¹⁹ Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 20.

 $^{^{20}}$ Вережников А. Китайская толпа // Современник. Кн. 3–4. СПб., 1911. С. 129–130.

В него входило подчеркнуто высокомерное отношение к нему как к представителю низшей расы, человеку трудолюбивому, неприхотливому, но «всепроникающему», хитрому, коварному. Китайцы замкнуты, никого не впускают в свой внутренний мир и в свое общество, они клановые, помогают друг другу в ущерб остальным. Все эти качества, в том числе трудолюбие и взаимопомощь, окрашены в негативные эмоциональные тона как принадлежащие потенциально сильному и опасному конкуренту.

Отмечалось, что китайцы могут проявлять агрессивность, высокомерие, когда они собирались более или менее большими группами или когда вдруг русский оказывался в их среде. «Китайцы хороши, только пока они в меньшинстве на данной работе, иначе начинают вводить свои порядки и становятся очень вызывающими». Под маской внешней безобидности, заискивающего поведения опасливо замечаются злость и агрессия. «На все грубые издевательства со стороны русских "китаюза" отвечал своей обычной улыбкой, оскаливая длинные, крепкие, желтые от табака зубы, и при этом в его узких, черных глазках вспыхивали огоньки скрытого раздражения и бессильной, затаенной злобы. Эта улыбка сквозь оскаленные зубы была своего рода приемом приспособления к русской среде. От многих тумаков и щелчков спасала она китаюзу, ибо иногда, вовремя осклабившись, он предупреждал их, настраивая улыбкой любителя щелчков на снисходительно-добродушный лад»²¹. Даже молчит китаец не просто, а «скрытно» молчит. Встречаются и более категоричные оценки враждебности, агрессивности китайских мигрантов по отношению к русским, ломающие представление о китайце как о «слабом, апатично-сонливом, тихом, безответном». На самом деле же «это враг серьезный, настойчивый, терпеливый, энергичный и ловкий; вместе с тем враг в высшей степени хитрый, двуличный, притом злой и злопамятный»²².

 $^{^{21}}$ *Матвеев Н*. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. СПб., 1911. № 12. С. 30.

 $^{^{22}}$ Митинский А. Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Труды командированной

Д. И. Шрейдер говорит о «непроницаемой броне взаимных предубеждений», о «пропасти между обеими расами». «На манз, да и на всех прочих инородцев... европеец... всегда привык смотреть, как на людей низшей породы. С ними не сближаются, у нас при том же их и не изучают... вполне, конечно, естественно, если на такой почве возникают предрассудки, предубеждения и несправедливые презумпции».

Основной площадкой взаимодействия формирующегося российского населения региона и китайцев были немногочисленные города. Это были центры власти, силы, узлы коммуникаций, средоточие экономических ресурсов, место жительства преобладающей части временных и постоянных жителей Дальнего Востока.

Особое место среди них занимал Благовещенск, население которого стало главным действующим лицом описываемых нами событий²³. Город был основан в 1859 г. Его развитию способствовали и выгодное торговое положение в центре золотоносного края на слиянии двух важных транспортных артерий (рек Амура и Зеи), и значение города как административного центра Амурской области. По свидетельству современника, Благовещенск в начале XX в. — «это широко разросшийся город, со множеством солидных каменных зданий, иногда красивого зодчества, с обширными площадями и большим гостиным двором. Большинство же строений, как и в каждом сибирском городе, — бревенчатые дома с большими дворами, садами и огородами по окраинам... Это по преимуществу город капиталистов

по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 8. СПб., 1911. С. 238; *Матвеев Н*. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. СПб., 1911. № 12. С. 30; *Вережников А*. Китайская толпа // Современник. 1911. Кн. 3–4. С. 132; *Максимов А*. Я. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1894. С. 27.

²³ Официальный портал Правительства Амурской области. URL: http://www.amurobl.ru; *Шиндялов Н. А.* История Благовещенска. 1856—1907. Очерки, документы, материалы / Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. 168 с.

и состоятельных людей, среди которых практичные и экономные молокане занимают первое место. Город вырос и продолжает еще расти с американской быстротой» ^{24} . Сравнения с Америкой были нередки — иногда Благовещенск так и называли «Нью-Йорком Сибири».

Исключительно благоприятное расположение города у двух больших рек при отсутствии железнодорожного сообщения, неразвитости дорожной сети позволило ему стать крупным транспортным узлом. В летнюю пору из этого крупнейшего речного порта Дальнего Востока десятки пароходов, бесчисленные баржи, катера, баркасы развозили пассажиров и разнообразные грузы по всей области, до самых отдаленных приисковых районов. В 1905 г. здесь было 157 пароходов и 220 барж. Местные предприниматели, золотопромышленники, фирмы и компании владели десятками судов. Управление речными службами Амурского бассейна также находилось в Благовещенске.

С 1870 г. Благовещенск получил телеграфную связь с Россией, на базе его телеграфной станции создавался Приамурский почтово-телеграфный округ, центр которого был после 1886 г. перенесен в Хабаровск.

По масштабам почти неосвоенного региона, это был значительный ремесленно-промышленный и торгово-распределительный центр Приамурья. Здесь действовали два чугунолитейных завода, мастерские водного управления, судостроительный завод, спичечная фабрика, три пивоваренных завода, 5 крупных мельниц (по их мощности Благовещенск стал третьим городом России после Нижнего Новгорода и Саратова), а также десятки ремесленных мастерских.

По оценке издателя и главного редактора «Амурской газеты» А. В. Кирхнера ^{25} , «золотопромышленность, дающая толчок всей

²⁴ Дальний Восток. Справочник на 1910 г. Б. м., б. г. С. 295.

²⁵ Кирхнер Александр Валерианович (1860–1903) родился в дворянской семье. Учился в Московском техническом училище. Принимал участие в делах «Народной воли», судился вместе с известным народовольцем И. И. Майновым, отбывал ссылку в Иркутской губернии.

промышленной деятельности края, служит главным импульсом для торговой жизни города Благовещенска, а вместе с тем и пароходства» ^{26} . За год добывалось от 300 до 500 и более пудов золота. И хотя к 1905 г. золотые прииски оказались в значительной степени выработанными, но в приисковых районах все еще насчитывалось около 25 тысяч жителей, в том числе больше 11 тысяч рабочих.

К 1900 г. постоянное население города достигло 50 тысяч человек, да еще несколько десятков тысяч сезонных рабочих отправлялись из него на золотые прииски и обслуживали навигацию по Амуру. Имелись и другие группы рабочих. На водном транспорте в летнее время были заняты более 3 тысяч человек. Сотни рабочих занимались ремонтом и обслуживанием речного транспорта в водных мастерских министерского затона, водного управления. Были еще плотники, строители, маляры, ломовые извозчики, грузчики, рабочие пекарен, булочных, различных мастерских. К началу XX в. в Благовещенске насчитывалось 35 крупных торговых фирм, много мелких торговцев.

То, что, по словам А. В. Кирхнера, «Благовещенск является центром торговой и административной жизни области», непосредственным образом воздействовало на структуру его населения. Помимо постоянных и сезонных рабочих, торговцев, разнообразной прислуги, в нем была велика и влиятельна прослойка чиновников, военных, служащих, лиц свободных профессий. Это результат того, что в нем «имеет пребывание военный губернатор области, со всеми канцеляриями и управлениями. В нем находится и казачье управление, и крестьянское окружное управление, и горный инженер, одним словом, все власти гражданского и военного ведомства. В нем же имеет пребывание Преосвященный Епископ Благовещенский и Приамурский,

После 1899 г. соредактор «Амурской газеты», в 1900—1903 гг. — единоличный редактор-издатель.

²⁶ На память о событиях на Амуре в 1900 году. Осада Благовещенска. Взятие Айгуна. Составил А. В. Кирхнер. Благовещенск: Типография «Амурской газеты» А. В. Кирхнера, 1900. С. 183–191.

духовная консистория, духовная семинария и пр. Все главнейшие золотопромышленники и комиссионеры золотопромышленных компаний имеют местопребывание в городе. Здесь и бюро съезда золотопромышленников. Все наемки рабочих и служащих, закупка товаров и продовольствия на прииска производятся главным образом в г. Благовещенске. Сюда же возвращаются рабочие с приисков, здесь же продают выносимое ими из тайги золото» Успешно действовало несколько отделений крупных российских банков, значительные финансовые операции проводил городской банк Общества взаимного кредита, а также два отделения Земельного банка, несколько страховых обществ.

Поэтому, гордо отмечает А. В. Кирхнер, «Благовещенск является умственным центром края». В нем имелись три гимназии, учительская и духовная семинарии, епархиальное, ремесленное и речное училища, городские и приходские училища. Пять типографий, три газеты — «Епархиальные камчатские ведомости» (с 1899 г. — «Благовещенские епархиальные ведомости»), «Амурская газета» и «Амурский край». Общественное собрание, два театра, три кинотеатра, кружок любителей музыки и литературы, три библиотеки, маленький музей.

В общем, как ревниво доказывал А. В. Кирхнер российской публике, почти ничего до этого не знавшей о Благовещенске, это хоть и «далекая окраина», соединенная с внешним миром только телеграфом, навигацией по рекам летом и санным путем зимой, но не глухая глубинка. Это вполне современный европейский город с динамично развивающейся экономикой и далеко не бедным, образованным и культурным обществом.

Сложный вопрос, оценивались ли в качестве части этого общества китайцы, составлявшие немалую часть горожан и игравшие огромную роль и в экономике города и области, и в системе их жизнеобеспечения. Вопрос об их численности сложен,

²⁷ На память о событиях на Амуре в 1900 году. Осада Благовещенска. Взятие Айгуна. Составил А. В. Кирхнер. Благовещенск: Типография «Амурской газеты» А. В. Кирхнера, 1900. С. 183–191.

и точного ответа на него не существует. Есть только оценки, причем довольно сильно друг от друга отличающиеся. Причин для этого много. Здесь и естественная в условиях только что присоединенного и слабо освоенного региона неразвитость системы учета и регистрации мигрантов. Здесь — и это главное — огромная подвижность мигрантов, массовые сезонные волны, зависимость численности от экономической и политической конъюнктуры. Как писал об этом владивостокский переселенческий чиновник и отличный ведомственный аналитик А. А. Панов, «китайский поток вовсе не имеет того стихийного характера, который ему обычно придается. Это не то несокрушимое стремление, с которым движутся глетчер, оползающая гора, морское течение или поток лавы и с которым воля человеческая не в силах бороться. Это самое естественное экономическое явление, регулируемое, как и всякое другое, спросом и предложением...»²⁸.

Огромным фактором, влияющим на миграционную динамику, было близкое соседство Китая. Он был, можно сказать, «за речкой», на другой стороне Амура. Условия переезда и пограничные формальности были чрезвычайно легки. Да и их очень часто игнорировали. Каждый год несколько десятков тысяч китайцев (иногда до 30 тысяч) устремлялись через Благовещенск на золотые прииски, а осенью возвращались с них. Несколько тысяч оставались в городе для обслуживания навигации. Помимо этих сезонников, до пяти тысяч человек жили здесь более или менее постоянно. Практически каждая зажиточная семья имела китайскую прислугу, китайцы контролировали мелкую, среднюю и часть крупной торговли, содержали многочисленные рестораны, кабаки и развлекательные учреждения, снабжали город овощами, строили, обеспечивали нормальное функционирование коммунального хозяйства.

Редактор-издатель «Амурской газеты» описывает это в 1895 г.: «Ранней весной, летом и осенью по городу Благовещенску

 $^{^{28}}$ Панов А. А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. Периодический сборник. № 11. СПб., 1912. С. 251.

с утра раздаются крики сотен торговцев овощами, яйцами, домашней птицей, дичью и т.п., и действительно, сахалинские (Сахалян — поселок на китайской стороне Амура. — *Прим. авт.*) и пограничные китайские огородники положительно всеми продуктами питают город»²⁹. Это было удобно и выгодно, но многими оценивалось как опасная зависимость. В 1912 г., в ответ на ужесточение таможенных правил, торговые круги и население Сахаляна организовали бойкот и блокировали поставку продовольствия в Благовещенск. И, как доносил разъяренный российский чиновник, этот «обнаглевший поселок» мгновенно поставил всю область на грань тяжелого продовольственного кризиса.

Если продолжать тему проблем, связанных с полной зависимостью от труда китайцев, то стоит отметить острую конкуренцию на рынке труда. Не случайно в Благовещенске происходили регулярные массовые драки русских и китайских рабочих, обслуживающих навигацию.

В 1898 г. амурский губернатор предписал выселить всех китайцев города в особые кварталы. Решение было выполнено не сразу, немедленно возникла масса организационных и финансовых проблем. Но по мере его реализации власти сталкиваются с серьезными проблемами по обеспечению порядка, борьбе с преступностью, антисанитарией. Уже позднее, в 1913 г., специальная комиссия констатировала: «Скученность населения в домах и квартирах является явлением не только антисанитарным, но и причиной крайней затруднительности надзора за населением, среди которого проживает масса безбилетных китайцев... Бессилие полиции бороться с существующими в квартале притонами азарта, разврата, опиекурения и морфинизма (среди последних явлений насчитывается немало жертв русских), требует создания особого надзора за этим явлением: сторожей китайцев»³⁰.

 $^{^{29}}$ Цит. по: *Петров А. И.* История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб.: ООО «Береста», 2003. С. 140.

³⁰ Там же. С. 145.

Острую конфликтную ситуацию создавала проблема «зазейских маньчжур», долгое время бывшая головной болью для властей. Это были жители Зазейского района, примыкавшего к Благовещенску. По Айгунскому договору, район отошел к России, но его жители остались под юрисдикцией китайских властей. Это оседлое крестьянское население (к 1900 г. — около 7000 человек, согласно сведениям генерал-губернатора Н. И. Гродекова)³¹, фактически экстерриториальное, подчинялось только китайским чиновникам, что справедливо расценивалось российскими властями как ситуация совершенно ненормальная. Иногда регулярные конфликты доходили до вооруженных инцидентов.

Короче говоря, повседневная жизнь и экономическая деятельность всего населения этого зажиточного, процветающего, культурного, по местным понятиям, города были немыслимы без китайцев. Их присутствие было постоянным, всепроникающим и жизненно необходимым. С другой стороны, они не воспринимались русским населением как часть городского сообщества, пусть даже неравноправная. И дело не только в неизбежных трениях и конфликтах. Теснейшие контакты не вели к взаимной интеграции, к преодолению культурного и социального отчуждения. Русские и китайцы, отчаянно нуждаясь друг в друге и создавая отношения взаимовыгодного симбиоза, жили в параллельных мирах.

Относительно спокойное течение жизни жителей российского Дальнего Востока было нарушено потрясениями в соседнем Китае. Теми событиями, которые вошли в историю как «восстание ихэтуаней», или «восстание боксеров». Причиной восстания и главным фактором, определившим его характер, стала экспансия европейских держав в Китай и неспособность Цинской империи противостоять ей. Проигранные Опиумные войны, войны с Францией (1884–1885) и Японией (1894–1895) показали это со всей очевидностью.

 $^{^{31}}$ Всеподданнейший доклад генерал-губернатора от инфантерии Н. И. Гродекова за 1898, 1899, 1900 гг. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 332. Л. 15.

По всему Китаю открывались иностранные предприятия, строились железные дороги и создавались новые концессии, разрушавшие традиционную структуру китайского хозяйства и оставлявшие массу людей без средств к существованию. Страну наводнили тысячи христианских миссионеров, посягавших на местные обычаи и нарушавших привычный уклад жизни китайского народа³².

Активное вмешательство иностранцев в многовековые ритуалы и устои китайского общества вызвало сильное негодование населения, сделав к концу XIX в. антихристианские и анти-иностранные выступления совершенно обыденным явлением. В 1880–1890-е гг. такие выступления, нередко сопровождавшиеся убийством иностранцев, происходили в самых различных частях страны. Крупные беспорядки произошли в 1883–1884 гг. в Гуандуне, в 1891 г. антимиссионерское выступление развернулось в долине реки Янцзы, серьезные волнения прокатились в 1895 г. в Сычуани и Гуанси³³.

В октябре 1897 г. в провинции Шаньдун были убиты два немецких священнослужителя, чем поспешила воспользоваться Германия. Под предлогом защиты немецких подданных она ввела войска в бухту Цзяочжоу и добилась от китайского правительства в марте 1898 г. прав аренды на морской порт Циндао, фактически положив начало разделу Китая. Англия вскоре получила Вэйхайвэй. Франция добилась преимущественных прав на порт Гуанчжоувань. Россия в 1898 г. подписала конвенцию об аренде Ляодунского полуострова. США в сентябре 1899 г. провозгласили в Китае принцип «открытых дверей и равных возможностей» для всех иностранных государств.

Все это усиливало гнетущее чувство уязвленной национальной гордости и несправедливости среди массы китайцев. Бесконечные уступки властей иностранным державам, наплыв европейских товаров, засилье христианских миссионеров привели

 $^{^{32}}$ Cm.: The Cambridge History of China. Cambridge, 2008. Vol. 11: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. P. 116.

 $^{^{33}}$ Дацышен В. Г. Новая история Китая. Благовещенск, 2004. С. 216.

к резкому усилению антииностранных настроений по всей стране. Осенью 1898 г. они вылились в мощное восстание, которое возглавило тайное общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира») ^{34} .

Впервые о деятельности этой организации, имевшей изначально, по всей видимости, антидинастическую направленность, китайскому правительству стало известно еще в 1808 г. Несмотря на официальный запрет, она благополучно просуществовала вплоть до конца XIX в., активно включившись в 1890-х гг. в борьбу против иностранцев и их китайских «приспешников» 35.

Ихэтуани практиковали проведение специфических культовых ритуалов, основанных на китайских боевых искусствах, гимнастике, достижениях китайской философии и медицины. По оценке авторитетного отечественного издания, «ихэтуани исповедовали ксенофобию, отвергая все пришедшее в Китай с Запада. Их идеалом было возвращение к устоям традиционной китайской жизни, а важнейшим лозунгом, особенно на начальном этапе восстания, — призыв к уничтожению и изгнанию иностранцев из Китая» 16. Из-за своей приверженности специфическим практикам и ритуалам, способным, по их мнению, защитить даже от вражеских пуль, ихэтуаней на Западе стали называть «боксерами», а сами события 1900 г. получили известность в качестве «боксерского восстания».

Начавшись в Шаньдуне, восстание вскоре охватило всю северную часть страны. Восставшие жестоко убивали китайцев-христиан, миссионеров, иностранцев, разрушали железные дороги, телеграфные линии, жгли церкви и иностранные школы. Успехам ихэтуаней во многом способствовало то, что антииностранные чувства восставших разделяли многие знатные лица, в том числе

 $^{^{34}}$ Подробнее об истоках движения ихэтуаней см.: Esherick J. W. The Origins of the Boxer Uprising. California: University of California Press, 1987.

³⁵ The Cambridge History of China. Cambridge, 2008. Vol. 11: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. P. 117.

 $^{^{36}}$ История Китая: Учебник / Под ред. А. В. Меликсетова. М.: Издво МГУ, 1998. С. 354.

ряд крупных цинских чиновников, надеявшихся с помощью народного движения избавить Китай от засилья иностранцев. К их числу относились губернаторы провинций Шаньдун, Шаньси, Хэйлунцзян³⁷. Они склоняли двор и вдовствующую императрицу Цыси к поддержке движения, достигшего своего апогея к маю 1900 г., когда восставшие подошли к Пекину.

Давнее желание избавиться от постоянного присутствия иностранцев подтолкнуло императрицу к поддержке восставших. Попытавшийся предостеречь императрицу от опрометчивого шага известный китайский чиновник и дипломат Ли Хунчжан, возглавлявший китайскую делегацию на коронации Николая II, отправился в отставку с поста губернатора Кантона³⁸. В мае — июне 1900 г. правительственные войска, с официального одобрения Цыси, перешли на сторону ихэтуаней, фактически открыв восставшим ворота Тяньцзиня и Пекина.

Вскоре последовал и официальный императорский указ, согласно которому цинское правительство объявляло войну всему западному миру. «Наша династия в течение двухсотлетнего своего царствования неизменно проявляла глубокую гуманность и щедрые милости. Наши предки всегда были снисходительны к людям, прибывшим в Китай издалека. <...> Но за последние тридцать лет, несмотря на гуманность и ласковое обхождение нашего двора, иностранцы становились все более своевольными и разнузданными, оскорбительно относились к нашему государству. Они захватывали наши земли, попирали интересы нашего народа, прибирали к своим рукам богатства нашей страны. Некоторые уступки со стороны двора делали их день ото дня наглее. Они обижали [китайский] народ, с презрением относились к нашим святым и духам. Чувство гнева и ненависти накапливалось в сердцах наших подданных и возбуждало желание мстить. И вот справедливые добровольцы жгут христианские церкви и убива-

 $^{^{37}}$ Восстание ихэтуаней: документы и материалы 1898—1901 / Отв. ред. В. Н. Никифоров. М.: Наука, 1968. С. 6.

 $^{^{38}}$ Дельнов A. $\hat{A}$. Китай. Большой исторический путеводитель. M.: Эксмо, 2008. C. 634.

ют обращенных. <...> Сегодня мы, со слезами на глазах помолившись в кумирне предков, с волнением приняли присягу войск. В речи, произнесенной перед войсками, было сказано: негоже влачить жалкое существование, обрекая себя на позор в глазах предков. Не лучше ли двинуть войска в карательный поход и решить судьбу сразу! <...> Верноподданные! Проникнитесь преданностью и долгом, излейте гнев во имя духов и простых смертных! Поистине мы возлагаем на вас большие надежды!»³⁹

При поддержке правительственных войск отряды ихэтуаней заняли Тяньцзинь и Пекин. Под угрозой неминуемой расправы оказалась вся европейская колония Пекина. Был осажден посольский квартал, в котором укрылись сотрудники иностранных миссий со своими семьями и новообращенные китайцыхристиане. На территории наиболее укрепленной британской миссии оказались более 3000 человек: 475 иностранцев (включая 12 дипломатов), 450 человек охраны и около 2300 китайцев-христиан⁴⁰. Договориться с восставшими было невозможно — выехавший ранее на переговоры к восставшим посол Германии Клеменс фон Кеттелер был убит.

Один из участников осады В. В. Корсаков вспоминал: «"Пекинское сидение" было исключительное во всех отношениях: оно застало всех совершенно неподготовленными и не ожидавшими, что могут разыграться с такою быстротою и такою жестокостью события среди мирного народа, доведенного до озлобления и отчаяния. "Пекинское сидение" застало нас на далекой окраине, совершенно отрезанными от родины» ⁴¹. Оказавшимся в осаде людям оставалось надеяться только на чудо.

 $^{^{39}}$ Императорский указ. 25-е число 5 луны 26 года правления Гуансюй (21 июня 1900) // Восстание ихэтуаней: документы и материалы 1898—1901 / Отв. ред. В. Н. Никифоров. М.: Наука, 1968. С. 115—117.

⁴⁰ The Cambridge History of China. Cambridge, 2008. Vol. 11: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. P. 122.

 $^{^{41}}$ Корсаков В. В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май — август 1900 г. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1901. С. XIII.

Восемь иностранных держав (Германия, Великобритания, Россия, Франция, Италия, Австро-Венгрия, Япония, США) отправили свои войска на подавление восстания и защиту дипломатических миссий. В результате «по масштабам вовлеченности иностранных войск "интервенция восьми держав" была беспрецедентным военным столкновением между китайской империей и западным миром» 42.

Особенно неспокойно было в соседней с Россией Маньчжурии, ставшей одним из центров движения. Как отмечает В. Г. Дацышен, здесь «с начала 1900 г. российско-китайское противостояние стало принимать формы вооруженного конфликта. Первые вооруженные инциденты произошли уже в январе 1900 г., но значительно усилились весной. Рост антирусских настроений в Маньчжурии дополнялся усилением китайской активности на границе и модернизацией местной армии» Сособенно тревожная обстановка складывалась в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), где участились случаи нападений на русских.

Во многом это объяснялось позицией местных властей, поддерживавших движение. Ставший в январе 1900 г. цзянцзюнем (губернатором) провинции Хэйлунцзян молодой и амбициозный чиновник Шоу Шань разделял массовые антииностранные настроения и выступал за возрождение мощи империи⁴⁴. Еще до официального приказа об объявлении войны иностранным державам он привел войска провинции в полную боевую готовность. 23 июня 1900 г. китайские войска и «боксеры» атаковали посты охранной стражи КВЖД вдоль всей линии железной дороги. Многие русские были убиты.

 $^{^{42}}$ История Китая: Учебник / Под ред. А. В. Меликсетова. М.: Издво МГУ, 1998. С. 354—356.

 $^{^{43}}$ Дацышен В. Г. Новая история Китая. Благовещенск, 2004. С. 219.

⁴⁴ См.: Дацышен В. Г. Шоу Шань // Вопросы истории. 1998. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://annales.info/china/small/shoushan. htm (дата обращения: 05.05.2019).

Фактически полностью был уничтожен пост поручика П. И. Валевского и инженера Верховского, отступавших из Мукдена. По словам корреспондента порт-артурской газеты «Новый край» Д. Г. Янчевецкого, «это было трагическое, но геройское отступление горсти русских людей, брошенных в жертву самой жестокой китайской ярости и дикости, забытых всеми в те ужасные дни, но не забывших своего долга друг перед другом» ⁴⁵. П. И. Валевский был убит, а Верховской, взятый в плен китайцами, казнен в Мукдене в присутствии представителей местной власти, после чего его голова была выставлена на всеобщее обозрение в железной клетке на стене Ляояна. Из всех железнодорожников и охранников, взятых в плен, «только пять в ужасном виде были возвращены китайцами русским властям в Инкоу, когда русские предприняли уже поход на Мукден. Все остальные были зверски замучены и казнены» ⁴⁶.

Война подкатилась к самой российско-китайской границе, в один момент заставив дальневосточное население почувствовать всю силу и мощь близкого многомиллионного и мятежного Китая. И если в Петербурге неспокойный Китай казался далекой и почти нереальной страной, то на российском Дальнем Востоке дело обстояло совсем иначе... Бунтующий, «проснувшийся» Китай был не за тысячу километров, а всего лишь по другую сторону Амура...

 $^{^{45}}$ Янчевецкий Д. Г. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 г. СПб.; Порт-Артур: Типография товарищества художественной печати, 1903. С. 584.

⁴⁶ Там же.

Содержание

Введение3
Глава 1. «Далекая окраина»: китайцы в жизни дореволюционного Благовещенска9
Глава 2. «это была собственно не переправа, а уничтожение и потопление китайцев»: реконструкция событий38
Глава 3. «по поводу переправы китайцев могу объяснить следующее»: стилистика и результаты официального расследования
Глава 4. «на достаточной ли высоте в годину испытаний оказались мы, граждане города Благовещенска?»: рефлексия очевидцев и участников85
Глава 5. «Этот трагический инцидент, понятный в тревожной атмосфере момента»: реакция образованного российского общества
Глава 6. «Казалось бы, зачем мне копаться в давно ушедшем времени?»: историческая память и историческая ответственность
Глава 7. «Что в имени», или «Назвать — значит оценить»161
Вместо эпилога: Благовещенск и китайцы после войны 193
Список источников и литературы195

Научно-популярное издание

Виктор Дятлов, Яна Гузей, Татьяна Сорокина

КИТАЙСКИЙ ПОГРОМ

Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков

Корректоры М. А. Иванова, Т. В. Никонова Оригинал-макет А. А. Крыласов Дизайн обложки О. Д. Курта

Подписано в печать 24.01.2020. Формат 60×84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная Усл.-печ. л. 11,86. Тираж 500 экз. Заказ № 1772

Издательство «Нестор-История» 197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7 Тел. (812)235-15-86 e-mail: nestor_historia@list.ru www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История» Тел. (812)235-15-86

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт-Петербург
  Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8
   (150 м от ст. метро «Чкаловская»)
   Телефон +7 960 243-32-82
   E-mail: pr@nestorbook.ru
  - Москва
     Раушская набережная, 4/5, строение 1, кабинет 204 (ст. м. «Новокузнецкая»)

     Телефон +7(499)755-96-25
     E-mail: nestor_history_moscow@bk.ru

КУПИТЬ БУМАЖНЫЙ ИЛИ ЭЛЕКТРОННЫЙ ВАРИАНТ НАШИХ КНИГ МОЖНО НА САЙТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА NESTORBOOK RU

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и получить их в наших пунктах самовывоза в Москве и Санкт-Петербурге (по будням с 10 до 18)
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России» по предоплате и наложенным платежом
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и скачать из личного кабинета или получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965)048-04-28 или пишите на e-mail: booknestor@amail.com

КАК МОЖНО ПРИОБРЕСТИ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР- ИСТОРИЯ» В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза
- Не хотите ждать доставку? Отложите книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой.
   Ваш резерв будет ждать вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

ЗАКАЗАТЬ И ПРИОБРЕСТИ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» ВЫ МОЖЕТЕ НА САЙТАХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- Интернет-магазин «Лабиринт»
- Интернет-магазин «Озон»
- Интернет-магазин «Москва»
- Интернет-магазин *Books.ru*
- Интернет-магазин Esterum

- «Читай-город»
- «Библио-глобус»
- «Буквоед»
- Московский Дом книги
- «Подписные издания на Литейном»
- «Книжная лавка писателя»
- Дом книги в СПб

- «Русское зарубежье»
- «Книжная лавка историка»
- «У Кентавра» (РГГУ)
- «Циолковский»
- «Фаланстер»
- РОСФОТО
- «Свои книги»
- «Дом университетской книги»

Картина А. Сахарова «Оборона Благовещенска в 1900 г.»

Китайский квартал

Китайский квартал